

Научная статья
УДК 101.1
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_4_18_159
EDN XWLMNHU

Мифо-религиозная проблематика и культурно-литературные традиции Запада и Востока в романах Евгения Торчинова

Леонид Викторович Дубаков^{1✉}, Татьяна Геннадьевна Кучина²

¹Кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Университета Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова Пекинский политехнический университет в Шэньчжэне, Китай

²Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль

¹dubakov_leonid@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

²tgkuchina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1837-8429>

Аннотация. В статье анализируются романы Евгения Торчинова с точки зрения их жанровой природы. Сам автор определял их как фэнтези и как детективы, указывая на постмодернистский генезис своих текстов. Романы «Таинственная Самка», «Апостолы Дракона» и «Китайская рапсодия» можно отнести к жанру фэнтезийного детектива, или детективного фэнтези, или мистико-мифологического/мистико-философского фэнтези. Прослеживаются в этих книгах также черты других разновидностей фэнтезийного жанра – городского фэнтези, героического фэнтези, сакрального фэнтези. В целом отмечается, что Торчинов использовал этот жанр как способ рассказать о своих философских идеях и религиозных интуициях, поэтому в героическом фэнтези его дилогии, в системе её персонажей, обнаруживается архетипная юнгианская модель авторского сознания, в городском современном фэнтези его романов происходит взаимоналожение топосов двух культур – русской и китайской – и времён – настоящего и метафизического, в академическом фэнтези видятся приметы «трансперсонального романа», подобного роману «филологическому». Писатель помещает в оболочку развлекательной литературы – в мистико-мифологическое фэнтези – разговор о соотношении онтологических, телеологических и сотериологических концепций индуистско-буддийской и иудео-христианской традиций, прослеживая их коренное расхождение, стремясь к осуществлению их синтеза. Кроме того, в статье романы Евгения Торчинова анализируются в аспекте авторских, окказиональных жанровых подзаголовков – трансперсонального романа, алхимического романа, романа странствий и инициаций. Все эти подзаголовки объединяет установка на рассмотрение жизни героя (и автора) как пути – внешнего и внутреннего, – пути, уводящего за пределы обыденной реальности. Таким образом, определить собирательный окказиональный жанр романов

© Дубаков Л. В., Кучина Т. Г., 2023

«Таинственная Самка», «Апостолы Дракона» и «Китайская рапсодия» можно также как «трансперсональный травелог»

Ключевые слова: Е. А. Торчинов; миф; религия; буддизм; иудаизм; трансперсонализм; жанр; фэнтези; травелог

Для цитирования: Дубаков Л. В., Кучина Т. Г. Мифо-религиозная проблематика и культурно-литературные традиции Запада и Востока в романах Евгения Торчинова // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 4 (18). С. 159-171. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_159. <https://elibrary.ru/XWLMHU>.

Original article

Mytho-religious problematic, cultural and literary traditions of the West and the East in Evgeny Torchinov's novels

Leonid V. Dubakov^{1✉}, Tatyana G. Kuchina²

¹Candidate of philological sciences, associate professor at the department of philology, Lomonosov Moscow State University, Beijing Polytechnic University in Shenzhen; China; 518172 Shenzhen, Lungang district, Guojidaxueyuan st., 1;

²Doctor of philology, professor at the department of Russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl

¹dubakov_leonid@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

²tgkuchina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1837-8429>

Abstract. The article analyzes Yevgeny Torchinov's novels from the point of view of their genre nature. The author himself defines them as fantasy and as detectives, referring to the postmodern genesis of his texts. The novels *The Mysterious Female*, *Apostles of the Dragon*, and *Chinese Rhapsody* can be categorized in the genre of fantasy detective, or detective fantasy, or mystic-mythological/mystic-philosophical fantasy. These books also show traits of other fantasy genre varieties – urban fantasy, heroic fantasy, sacral fantasy. In general, Torchinov used this genre as a way to express his philosophical ideas and religious insights, so in his heroic fantasy trilogy, in the system of its characters, one can find an archetypal Jungian model of the author's mind; in his urban contemporary fantasy novels, the topoi of two cultures – Russian and Chinese – and times – the present and the metaphysical – are overlapped, while the academic fantasy shows signs of a “transpersonal novel” similar to the “philological” novel. The writer places a conversation about ontological, teleological, and soteriological concepts correlating with each other in the Hindu-Buddhist and Judeo-Christian traditions inside the framework of entertaining literature – in mystical-mythological fantasy – tracing their fundamental divergence and striving to realize their synthesis. In addition, the article analyzes Evgeny Torchinov's novels in the aspect of authorial, occasional genre subtitles – transpersonal novel, alchemical novel, novel of wanderings and initiations. All these subtitles are united by the tendency to consider the life of the hero (and the author) as a path, both external and internal, that takes us beyond the limits of everyday reality. Thus, the collective occasional genre of the novels *The Mysterious Female*, *Apostles of the Dragon*, and *Chinese Rhapsody* can also be defined as “transpersonal travelogue”.

Key words: E. A. Torchinov; myth; religion; Buddhism; Judaism; transpersonalism; genre; fantasy; travelogue

For citation: Dubakov L. V., Kuchina T. G. Mytho-religious problematics, cultural and literary traditions of the West and the East in Evgeny Torchinov's novels. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 4(18): 159-171. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_159. <https://elibrary.ru/XWLMHU>.

Введение

Евгений Алексеевич Торчинов – известный российский религиовед, синолог, буддолог, историк философии и культуры Китая [Алексеев, 2002; Чебанов, 2005; Янь Годун, 2007]. Однако в последние годы жизни он написал два романа и начал работать над третьим. Все они были изданы уже после его смерти. Сам Торчинов, с одной стороны, относился к своему художественному творчеству с иронией: «все вокруг пишут, почему бы не попробовать?» [Довженко, 2013, с. 5], с другой – судя по очевидной близости главных героев этих произведений автору и по наличию в текстах мыслей, связанных с основными направлениями его исследований, и одновременно очень личных моментов, – ему было по-настоящему важно написать эти романы.

По выражению издателя торчиновских романов Ю. С. Довженко, они оказались «в значительной степени “сыроваты”» [Довженко, 2013, с. 5]. Хотя одновременно он отмечает и достоинства Торчинова как потенциального писателя, сравнивая его, в частности, с Умберто Эко: «... умение создать незаезженный сюжет и запоминаю-

щиеся характеры героев, великолепное чувство юмора, грамотно развиваемая и нагнетаемая по ходу действия интрига» [Довженко, 2013, с. 5]. Думается, однако, что художественная конструкция романов Торчинова гораздо более сложная, чем видится вначале, особенно если оценивать их не с точки зрения восприятия массовым читателем. Об этой сложности или затягивающей «ловушечной поверхности» торчиновских произведений говорят А. И. Кобзев и Н. А. Орлова в комментарии к романам своего коллеги, обращая внимание на широкое «контекстуальное поле» его книг, на их китайские стилизации, на отсылки к восточным сюжетам, на композицию, отталкивающуюся от венка сонетов, и её рассчитанные сбои, наконец, на возможность прочтения торчиновских произведений с учётом разных смысловых пластов – текстологического, психоаналитического, архетипического, мифологического [Кобзев, Орлова, 2013, с. 498].

Результаты исследования

Сложность романов Евгения Торчинова, и первых двух – «Таинственной Самки» и «Апостолов Дракона», и незаконченной «Китайской рапсодии», начинается с

определения жанра. Сам автор говорил о следовании за постмодернистским трендом при установлении жанровой природы своих произведений. Так, в интервью о первых двух книгах сказано: «Там много умных разговоров, трансперсонализма, каббалистической и прочей мистики, элементы фэнтези и детектива. Постмодерн такой, одним словом» [Довженко, 2013, с. 5]; – в романе «Китайская рапсодия»: «В наш век постмодернизма и стирания всех и всяческих граней между виртуальным и реальным, не говоря уж о различиях между разными жанрами... <...> ...я написал нечто вроде фэнтези...» [Торчинов, 2021б, с. 183]. Ссылка на постмодернизм здесь указывает на действительно наличествующую смысловую и формальную многокомпонентность и неоднородность торчиновских текстов.

Итак, о диалогии «Таинственная Самка» и «Апостолы Дракона» и о «Китайской рапсодии» Торчинов говорил как о фэнтези. «Китайская рапсодия» не была закончена, и потому фэнтезийная составляющая романа не успела выявиться. На неё намекает разве что образ таинственного даоса-алхимика, который всё время ускользает от главного героя книги, и эпиграфы из переведённой Торчиновым китайской мистической литературы – Гэ Хуна [Гэ Хун, 1999], Сунь Чо, Тао Юаньмина [Кий, 2016, с. 826; Кий, 2004, с. 8]. Согласно классификации, предложенной Е. Афанасьевой [Афанасьева, 2009], романы Торчи-

нова можно охарактеризовать: с точки зрения сюжетно-тематической – как *мистико-мифологическое* или *мистико-философское фэнтези*; имея в виду его национальную специфику – как фэнтези, уходящее корнями в ближневосточную и дальневосточную традиции (в частности, каббалу и даосизм); с точки зрения образа времени – как фэнтези, действие которого разворачивается в пространстве городской современности; в аксиологической плоскости – как героическое фэнтези с элементами юмора; с мировоззренческой точки зрения – как *сакральное фэнтези*; с точки зрения адресата – как фэнтези академическое. Хотя многие из этих определений не безусловны и требуют уточнений и комментариев.

Так, например, обоим романам диалогии, в которую входят «Таинственная Самка» и «Апостолы Дракона», предпосылаются прологи, коротко обрисовывающие космогонический миф о расколе внутри Абсолюта и продолжающейся борьбе между Светами, осуществляющими творение, и Светами, его отвергшими. По ходу действия рассказывается также о вехах и исторических акторах этого мистического противостояния, происходящего во вселенной и на Земле. Таким образом, торчиновская диалогия содержит в себе зачатки эпического фэнтези, и при желании автора она вполне могла бы постепенно отлиться в многотомную масштабную эпопею с большим количеством

действующих лиц, локусов и даже, возможно, сражений.

Мифологическая составляющая этой диалогии соотносит два мифа – западный и восточный, что восходят к иудео-христианской и индуистско-буддийской мистико-религиозной традиции, соответственно. Миф Запада – миф о покорении женского, природного, о творении реальности, миф Востока – об отказе от мужской активности, о следовании за природой. По мысли А. И. Кобзева и Н. А. Орловой, авторское видение Торчинова этой мифологической оппозиции заключалось в попытке найти срединный, русский путь, который в идеальном выражении состоит в том, чтобы «быть медиатором между Востоком и Западом» [Кобзев, Орлова, 2013, с. 513]. Но, помимо анализа западного и восточного мировосприятий, Торчинов в диалогии поднимает вопрос о смысле творения, который увязывает с проблемой зла. Первоисточник осмысления этого центрального вопроса «Таинственной Самки» и «Апостолах Дракона» – торчиновская статья «Доктрина происхождения зла в луррианской и саббатанской Каббале и в буддийском "Трактате о Пробуждении веры в Махаяну"» [Торчинов, 2000б]. Запад и Восток по-разному говорят о причинах и целях существования реальности. Для каббалы финал мирового процесса – это «восстановление очищенного творения в его совершенном и неоскверненном состоянии» [Торчинов, 2000б, с. 195], для индуистско-буддийской традиции – «это есть состояние уни-

чтожения самой оппозиции “субъект-объект” и исчезновение мира множественности как такового» [Торчинов, 2000б, с. 195]. В «Апостолах Дракона» Торчинов развивает эту идею, имея в виду возможность синтеза антиномий, о котором говорили «высшие буддийские тантры и дзог-чен, а отчасти и китайские школы», «учащие о сорождённости неведения и просветления, их взаимопереплетении, игре», школы, что «выходят за пределы поля учения Нетворящих Светов и приближаются к синтетической доктрине Натана из Газы» [Торчинов, 2021а, с. 75-76]. Интересна в связи с этим и не нашедшая места в научной статье, но оказавшаяся уместной в романе мысль о разном отношении к образам драконов и змей в иудаизме/христианстве и индуизме/буддизме – отрицательном и положительном, соответственно. В «Апостолах Дракона» главный герой говорит об этих двух позициях как о двух правдах и вместе с автором ищет «в своём сердце» [Кобзев, Орлова, 2013, с. 514] способ примирить их. Однако замечание алхимика Павла о продолжении существования «прекрасного и чудовищного мира» и финальное стихотворение о «майе-колдунье», что «ткёт тенёта свои» [Торчинов, 2021а, с. 177, 180], свидетельствуют в пользу выбора автором лишь одной из них. Андрей Королёв, он же Анти-Христос, из «Таинственной Самки» хочет уничтожить мир, вспоминая бунт Ивана Карамазова, Константин Ризин, протагонист, вслед за русской христианской тра-

дицией оспаривает радикализм его стремления. В «Таинственной Самке» автор рассказывает о своём онейрическом и мистическом опыте в интерлюдиях, что напоминают о жанре видений или откровений. В пятой из них присутствует пассаж, в котором говорится о шуньяте, что «скорее открытость, чем опустошённость, лишённость, недостаточность» [Торчинов, 2021б, с. 82]. Для Торчинова буддийская пустотность означает, что «мир открыт, неоднозначен, магичен» [Торчинов, 2021б, с. 82]. И хотя сам он, по замечанию Е. А. Кия, соотносил этот пассаж с распространённым в буддологии критическим подходом в интерпретации мадхьямаки [Кий, 2016, с. 817-818; Торчинов, 2000а], думается, что, как и в случае с вопросом о смысле бытия, обозначая буддийский взгляд, Торчинов смотрел на онтологическую и сотериологическую проблему, скорее, иудео-христианскими глазами: в «прозрачной ясности родных пустот» звучит «ликующее скерцо» [Торчинов, 2021б, с. 84]. Вероятно, реальность для автора, в его «буддийском тексте», философском и литературном [Бернюкевич, 2009], оказалась не за пределами порождённого невежеством дуализма бытия, а в иллюзорности сансарического многообразия.

Другой мифологический аспект указанных романов – это ироническая двуслойность (в стиле «Кентавра» Д. Апдайка) при изображении Института, в котором работает главный герой: образы его коллег – через имена или портретные чер-

ты – отсылают к различным западным и/или восточным мифам. Так, например, образ Г. Л. Тролля вызывает в памяти и существо скандинавской мифологии, и «бессмертного даоса», что «покрылся волосом от употребления эликсиров из сосновых иголок» [Торчинов, 2021б, с. 9].

Городское фэнтези Торчинова исходит из ситуации, при которой иномирная сущность из прошлого оказывается в реальности современного мегаполиса [Крымов, Михайлов, 2004, с. 28]. Действие дилогии развивается на рубеже тысячелетий, и при этом – во втором плане – романы отсылают ко внеили довременной реальности. В «Таинственной Самке», «Апостолах Дракона», «Китайской рапсодии» сквозь Петербург просвечивает китайская действительность, а сквозь Китай – северная русская столица. В Петербурге первых двух романов герои постоянно оказываются в китайских ресторанчиках, настойчиво обнаруживая, если не пропагандируя, восточные топосы. Петербург для автора – город контрастов, где «избыток, как ян, так и инь: лето слишком светло, знаменитые белые ночи, зимой слишком темно» [Торчинов, 2021а, с. 5]. По серому асфальту русского города «змеится позёмка» [Торчинов, 2021а, с. 33], а в небе светится созвездие Дракона (актуализация китайского символа). В Гонконге «питерская, пасмурная» [Торчинов, 2021б, с. 83] погода. Это мегаполис, напоминающий «огромный

супермаркет размером с Москву и город Александра Грина» [Торчинов, 2021б, с. 82]. В «Китайской рапсодии» герой отправляется в «Северную столицу», играя при этом смыслами: не в Петербург, а в Пекин. В китайских горах он вспоминает о морозной ленинградской и поволжской зиме. Дорогу до Наньчана сравнивает с дорогой до Выборга. Янцзы напоминает ему Волгу, в связи с чем в названии шестой главы появляется аллюзия на песню о Стеньке Разине и, возможно, на «Русскую нирвану» Бориса Гребенщикова.

Диалогия Торчинова – героическое фэнтези, но функции героя выполняет не однозначный протагонист, а его проекции-двойники. А. И. Кобзев и Н. А. Орлова отмечают, что, анализируя персонажей романа с точки зрения теории архетипов, структуру «Ризин-Ерошин-Артамонов» можно назвать «Эго-комплексом автора, Андрея Королева (земная ипостась Дракона) – Тенью, или альтер-эго, а Дракона – Самостью, глубинной энергетической сущностью, центральным архетипом» [Кобзев, Орлова, 2013, с. 510]. Важно также указать на то, что героичность героя, по мнению авторов комментария к трансперсональному роману Торчинова, то ли бессознательно, то ли сознательно умалена, скрыта. Причины этого или в уходе за границы сексуального, или в фиксации умирания как отказа от творческой энергии, или в зашифрованном, разложенном на несколько составляющих пути личной эсхатологии автора.

Согласно вышеприведённой классификации, можно говорить о том, что анализируемая диалогия, с точки зрения мировоззрения автора, это сакральное фэнтези, или конкретнее – «христианско-даосское», но думается, что точнее было бы определить его как фэнтези научное: «Я не стал просветлённым мудрецом, Буддой, риши или святым, но из меня получился <...> вполне приличный трансперсоналист и специалист по религиозным психопрактикам» [Торчинов, 2021б, с. 61].

С точки зрения адресата, о фэнтези Торчинова можно сказать как о романе, аудитория которого в задумке предполагалась сравнительно широкой, но фактически у автора получился именно «трансперсональный роман» (как, например, роман филологический). Для него также характерно «скрещивание» трансперсонализма и литературы (здесь можно, в частности, обратить внимание на светлый пушкинский фон торчиновских «петербургских текстов»), «создание атмосферы импровизации, наличие игрового начала, ироничное отношение к герою и автору, введение в основной текст произведений многочисленных отступлений, комментариев», «отголосков» религиозных дискуссий. И у такого романа, или фэнтези, конечно, по большей части именно академическая аудитория.

Торчинов говорил о своих романах также как о детективах. Элементы жанра мистического детектива, или «дела о хищении психоделика» [Торчинов, 2021б, с. 109] (отсылка к

серии романов «Дело о...» И. А. Алимова и В. М. Рыбакова; откуда, возможно, и образ кота Отто), в дилогии, конечно, присутствуют. В «Китайской рапсодии» есть намёк на детективы Роберта ван Гулика (опять же отсылка к «Евразийской симфонии»). Однако детективная интрига в них слабая, потому что, во-первых, она очевидная, и потому что, во-вторых, больший интерес вызывает у Торчинова именно мистика, которая не то что «способствует нарастанию напряжения» [Жиркова, 2018, с. 64], но фактически является основой торчиновских книг. В большинстве случаев в этом жанре мистика должна получить «реалистическое и логическое объяснение» [Жиркова, 2018, с. 64], но романы Торчинова принимают мистику как психическую данность и никаких иных объяснений не предполагают.

Однако определение жанровой природы торчиновских романов через им же заявленные, но всё же не исчерпывающие сложность разбираемых произведений жанры фэнтези и детектива, или детективного фэнтези, или фэнтезийного детектива, или даже мистико-философского фэнтези, хотя и возможно, но не представляется однозначно правильным. Авторская апелляция к постмодернистской стратегии и жанры фэнтези и детектива видятся не более чем оболочкой или даже маскировкой.

Важно, что все романы Торчинова имеют свой авторский жанровый подзаголовок. «Таинственная Самка» – это «Трансперсональный

роман», «Апостолы Дракона» – «Алхимический роман», «Китайская рапсодия» – «Роман странствий и инициаций». Причём каждый из этих подзаголовков может быть приложен в той или иной степени к любому его роману.

«Трансперсональный роман» и «алхимический роман» – жанры очевидно окказиональные, оригинальные. «Алхимический роман» – это роман о внешней и внутренней алхимии. *Первой разновидности алхимии*, прежде всего, посвящены книги «Апостолы Дракона» и «Китайская рапсодия», где алхимическая тема прямо заявлена и вплетена в сюжет. *Второй разновидности – каждый из романов*, поскольку во всех них происходит сознательная духовная трансформация главного героя. Подзаголовок «алхимический роман» содержит, кроме того, иронию. Павел Артамонов в «Апостолах Дракона» собирается жениться на Татьяне, которая выступала в качестве алхимического сосуда для рождения Дракона, и шутит в связи с этим про «алхимическую свадьбу», что в таком случае совершится буквально. Наконец, «алхимический роман» указывает на полижанровый характер «Апостолов Дракона», равно как, впрочем, в данном смысле этот подзаголовок можно приложить и к двум другим торчиновским книгам.

Определение «трансперсональный» не только указывает на жанр романа, подобного филологическому, но, в первую очередь, заставляя

ет вспомнить о сфере научных интересов Евгения Торчинова и о его способе смотрения на религиозную проблематику [Торчинов, 1997]. И действительно, в «Таинственной Самке» «много <...> трансперсонализма» в виде разговоров о нём в узком институтском кругу, в котором вращается герой, и в широком мире – на конференции в Гонконге, куда он отправляется в начале книги. «Трансперсональный» означает выходящий за пределы человеческого «я» с его привычными ощущениями бытийных, пространственно-временных, социальных и прочих границ. «Таинственная Самка», как и «Апостолы Дракона» и «Китайская рапсодия», в этом смысле оказывается романом о путешествии героя (и, возможно, автора) не только по современным ему Петербургу и Китаю, но и «записью трансперсональных переживаний, путевым дневником архетипического путешествия» [Кобзев, Орлова, 2013, с. 516].

Обе заявленные автором жанровые составляющие «Китайской рапсодии», в отличие от двух других романов, могут быть рассмотрены во взаимосвязи с жанровым каноном: «роман странствий» соотносится с романом-путешествием, или травелогом; в качестве примера или даже прецедента обращения к жанру «романа инициаций» может быть назван роман Густава Майринка «Ангел Западного окна» (эту книгу в связи с «Таинственной Самкой» вспоминают А. И. Кобзев и Н. А. Орлова;

говорит о ней и сам Торчинов, размышляя о сути философского камня алхимиков).

В подзаголовке «роман странствий», помимо мотива путешествия, слышится слово «страна», и действительно, заметную роль в книге играет описание рек, гор и городов Китая. Торчинов рассказывает о своём реальном опыте путешествия по этой культуре как и в романе «Таинственная Самка», герой которого оказывается на конференции в Гонконге. Но, конечно, как и «Таинственная Самка», чьё название отсылает к образу Дао, и как «Апостолы Дракона», в названии которого упоминается звериный образ-символ мистического Нетворящего Света, «Китайская рапсодия» – это роман о «magical mystery tour» [Торчинов, 2021a, с. 152].

«Таинственная Самка» предвзрета эпиграфом из «Дао дэ цзин», в котором Таинственная Самка, или Дао, именуется «бессмертным духом долины» [Торчинов, 2021b, с. 3], и эта «долина» с самого начала книги задаёт пространственное измерение физического и психического мира, по которым предпринимает «магическое волшебное», или «окультурное» [Торчинов, 2021a, с. 132], путешествие герой произведения и его автор. Романы Торчинова – это рассказы о реальном и одновременно вымышленном путешествии, или, точнее, о внешнем и внутреннем путешествии. Автор, упоминая кундалини-йогу, говорит о «картографии сознания»

[Торчинова 2021б, с. 38], а в «самом важном», контролируемом в лабораторных условиях психоделическом трипе «Таинственной Самки» – о мифо-мистическом образе земной географии, где «японские острова подобны кусочкам затвердевшей смолы, упавшей в море с копья бога-прародителя», и где в бездне Марианской впадины пребывает «Враг», «ненавидящий всё живое» [Торчинов, 2021б, с. 136].

Заключение

Таким образом, при возможных определениях жанра торчиновских романов как разного рода фэнтези или детектива, или, например, как «академического экшена» или даже готического романа (подобного «Дракуле» Б. Стокера), что развёртывается в пространстве Института трансперсональной психологии и горных территорий Поднебесной, по нашему мнению, всё же их правильнее воспринимать как травело-

ги или, точнее, трансперсональные травелоги. «Таинственная Самка», «Апостолы Дракона» и «Китайская рапсодия» – это романы о путешествии по России и по Китаю и, главное, о путешествии героя в «мир изменённых состояний сознания» [Русakov, 2013, с. 304].

«Травелог принципиально архетипичен» [Русakov, 2013, с. 305], в случае же с романами трансперсоналиста Торчинова эта архетипичность (в том числе в юнгианском смысле) тем более очевидна. Как очевиден и талант их автора, нашедшего оригинальные, окказиональные жанровые формы для воплощения своих научных идей и мистических интуиций об онтологическом и сотериологическом аспектах соотношения ключевых мифов Запада и Востока и для рассказа о своём трансперсональном духовном пути.

Библиографический список

1. Алексеев П. В. Торчинов Евгений Алексеевич // Алексеев П. В. Философы России XIX–XX столетий. Биографии. Идеи. Труды. 4-е изд., перераб. и доп. Москва, 2002. С. 943.
2. Афанасьева Е. Жанр фэнтези: проблема классификации / Е. Афанасьева // Фантастика и технологии (памяти Станислава Лема): сборник материалов Международной научной конференции, Самара, 29–31 марта 2007 года. Самара : Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 2009. С. 86 – 93.
3. Бернюкевич Т. В. Буддизм в российской философской культуре. «Чужое» и «свое». Москва : Книжный дом «Либроком», 2009. 160 с.
4. Гэ Хун. Баопу-цзы / Предисл., пер. с кит., коммент. Е. А. Торчинов. Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 1999. 384 с.
5. Довженко Ю. С. «Академический экшен» Евгения Торчинова // Торчинов Е. А. Таинственная самка. Трансперсональный роман. Санкт-Петербург, 2013. С. 5–12.
6. Жиркова М. А. Жанровые разновидности детектива (опыт словаря) // Art Logos. 2018. №2 (4). С. 58 – 69.

7. Кий Е. А. Аннотированный список публикаций о Е. А. Торчинове // Общество и государство в Китае. 2014. №1. С. 582 – 587.
8. Кий Е. А. О научном наследии Е. А. Торчинова // Первые Торчиновские чтения. Религиоведение и востоковедение: Материалы научной конференции. 20–21 февраля 2004 г. Санкт-Петербург, 2004. Санкт-Петербург : изд-во С.-Петербургского ун-та, 2004. С. 7–14.
9. Кий Е. А. Послесловие к романам Е. А. Торчинова // Архив российской китаистики / Сост. А. И. Кобзев; отв. ред. С. Д. Дмитриев. Москва : Институт востоковедения РАН, 2016. Т. IV. С. 815 – 829.
10. Кобзев А. И., Орлова Н. А. В поисках Таинственной Самки: Комментарии к трансперсональному роману Евгения Торчинова в память о 10-летию его безвременной кончины // Архив российской китаистики. Т. II. М., 2013. С. 497 – 517.
11. Крымов А., Михайлов А. Жанры. Городская фантастика. Сумерки большого города. Городская фантастика и фэнтези // Мир фантастики. Ноябрь 2004. № 15. С. 28 – 29.
12. Лу Куань юй. Даосская йога, алхимия и бессмертие / Предисл., пер. с англ., прим. Е. А. Торчинов. Санкт-Петербург : Орис, 1993. 368 с.
13. Русаков В. М. Многообразие видов и жанров травелога // Дискурс-Пи. 2013. №1-2. С. 304 – 306.
14. Торчинов Е. А. Классическая буддийская философия: Мадхьямика (Шуньявада) // Введение в буддологию. Курс лекций. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2000а. 304 с.
15. Торчинов Е. А. Доктрина происхождения зла в лурианской и саббатанской Каббале и в буддийском «Трактате о Пробуждении веры в Махаяну» // Kabbalah: Journal for the Study of Jewish Mystical Texts. Ed. by D. Abrahams and A. Elqayam. Vol. 5, 2000б, p. 183 – 198.
16. Торчинов Е. А. Путь дракона. Москва : Т8, 2021а. 271 с.
17. Торчинов Е. А. Путь самки. Москва : Т8, 2021б. 255 с.
18. Торчинов Е. А. Религии мира. Опыт запредельного (трансперсональные состояния и психотехника). Санкт-Петербург : Центр «Петербургское востоковедение», 1997. 384 с.
19. Чебанов С. В. Интерперсональные, интердисциплинарные и интеркультурные инварианты в тридцатилетних беседах с Е. А. Торчиновым // Вторые Торчиновские чтения. Религиоведение и востоковедение: Материалы научной конференции. Санкт-Петербург, 17-19 февраля 2005 г. Санкт-Петербург, 2005. С. 12–15.
20. Янь Годун (阎国栋). Элосы ханьсюэ саньбай нянь (300 лет российскому китаеведению). Пекин, 2007. С. 188-190. Кит. яз. (列国汉学史书系 Sinological History Series).

Reference list

1. Alekseev P. V. Torchinov Evgenij Alekseevich = Torchinov Evgeny Alekseevich // Alekseev P. V. Filosofy Rossii XIX–XX stoletij. Biografii. Idei. Trudy. 4-e izd., pererab. i dop. Moskva, 2002. S. 943.
2. Afanas'eva E. Zhanr fjentezi: problema klassifikacii = The genre of fantasy: classification problem // Fantastika i tehnologii (pamjati Stanislava Lema) : sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Samara, 29–31 marta 2007 goda.

Samara : Samarskij nacional'nyj issledovatel'skij universitet imeni akademika S. P. Koroleva, 2009. S. 86–93.

3. Bernjukevich T. V. Buddizm v rossijskoj filosofskoj kul'ture. "Chuzhoe" i "svojo" = Buddhism in Russian philosophical culture. "Alien" and "own". Moskva : Knizhnyj dom «Librokom», 2009. 160 s.

4. Gje Hun. Baopu-czy = Baopuzi / Predisl., per. s kit., komment. E. A. Torchinov. Sankt-Peterburg : Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. 384 s.

5. Dovzhenko Ju. S. «Akademicheskij jekshen» Evgenija Torchinova Evgeny Torchinov's "academic action" // Torchinov E.A. Tainstvennaja samka. Transpersonal'nyj roman. Sankt-Peterburg, 2013. S. 5–12.

6. Zhirkova M. A. Zhanrovyje raznovidnosti detektiva (opyt slovarja) = Genre varieties of the detective (dictionary experience) // Art Logos. 2018. №2 (4). S. 58 – 69.

7. Kij E. A. Annotirovannyj spisok publikacij o E. A. Torchinove = Annotated list of publications about E. A. Torchinov // Obshestvo i gosudarstvo v Kitae. 2014. №1. S. 582–587.

8. Kij E. A. O nauchnom nasledii E. A. Torchinova = On E.A. Torchinov's scientific legacy // Pervye Torchinovskie chtenija. Religiovedenie i vostokovedenie: Materialy nauchnoj konferencii. 20–21 fevralja 2004 g. Sankt-Peterburg, 2004. Sankt-Peterburg : izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 2004. S. 7–14.

9. Kij E. A. Posleslovie k romanam E. A. Torchinova = Afterword to E. A. Torchinov's novels // Arhiv rossijskoj kitaistiki / Sost. A. I. Kobzev; otv. red. S. D. Dmitriev. Moskva : Institut vostokovedenija RAN, 2016. T. IV. S. 815–829.

10. Kobzev A. I., Orlova N. A. V poiskah Tainstvennoj Samki: Kommentarii k transpersonal'nomu romanu Evgenija Torchinova v pamjat' o 10-letii ego bezvremennoj konchiny = In Search of the Mysterious Female: Comments on Evgeny Torchinov's transpersonal novel to commemorate the 10th anniversary of his untimely death // Arhiv rossijskoj kitaistiki. T. II. Moskva, 2013. S. 497 – 517.

11. Krymov A., Mihajlov A. Zhanry. Gorodskaja fantastika. Sumerki bol'shogo goroda. Gorodskaja fantastika i fjentezi = Genres. Urban Fiction. Twilight of the big city. Urban fiction and fantasy // Mir fantastiki. Nojabr' 2004. № 15. S. 28 – 29.

12. Lu Kuan' juj. Daoskaja joga, alhimija i bessmertie = Taoist yoga, alchemy and immortality / Predisl., per. s angl., prim. E. A. Torchinov. Sankt-Peterburg : Oris, 1993. 368 s.

13. Rusakov V. M. Mnogoobrazie vidov i zhanrov traveloga = Various types and genres of the travelogue // Diskurs-Pi. 2013. №1-2. S. 304 – 306.

14. Torchinov E. A. Klassicheskaja buddijskaja filosofija: Madh'jamika (Shun'java-da) = Classical Buddhist philosophy: Madhyamika (Shunyavada) // Vvedenie v buddologiju. Kurs lekcij. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshestvo, 2000a. 304 s.

15. Torchinov E. A. Doktrina proishozhdenija zla v lurianskoj i sabbatianskoj Kabbale i v buddijskom «Traktate o Probuzhdenii very v Mahajanu» = The origin of evil doctrine in the Lurianic and Sabbatian Kabbalah and in the Buddhist Treatise on the Awakening of Faith in the Mahayana // Kabbalah: Journal for the Study of Jewish Mystical Texts. Ed. by D. Abrahams and A. Elqayam. Vol. 5, 2000b, p. 183 – 198.

16. Torchinov E. A. Put' drakona = Dragon's way. Moskva : T8, 2021a. 271 s.

17. Torchinov E. A. Put' samki. = Female's way. Moskva : T8, 2021b. 255 s.
18. Torchinov E. A. Religii mira. Opyt zapredel'nogo (transpersonal'nye sostojani-ja i psihotehnika) = World Religions. Experiencing the transcendent (transpersonal states and psychotechniques). Sankt-Peterburg : Centr «Peterburgskoe vostokovedenie», 1997. 384 s.
19. Chebanov S. V. Interpersonal'nye, interdisciplinarnye i interkul'turnye invari-anty v tridcatiletnih besedah s E. A. Torchinovym = Interpersonal, interdisciplinary and intercultural invariants in the thirty-year conversations with E. A. Torchinov // Vtorye Torchinovskie chtenija. Religiovedenie i vostokovedenie: Materialy nauchnoj konferencii. Sankt-Peterburg, 17-19 fevralja 2005 g. Sankt-Peterburg, 2005. S. 12 – 15.
20. Jan' Go-dun (阎国栋). Jelosy han'sjuje san'baj njan' (300 let rossijskomu ki-taevedeniju) = Elosi hanxue sanbay nian (300 years of Russian Chinese studies). Pekin, 2007. S. 188-190. Kit. jaz. (列国汉学史书系 Sinological History Series).

Статья поступила в редакцию 26.09.2023; одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 28.11.2023.
The article was submitted on 26.09.2023; approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication on 28.11.2023